

**ВЕЖЛИВЫЕ
ЛЮДИ**

Иван ДНЕСТРЯНСКИЙ

СПЕЦНАЗ
ВЕЖЛИВЫЕ ЛЮДИ

РАНЕННЫЙ ГОРОД

ЭКСМО

Москва 2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д 54

Д 54 **Днестрянский, Иван Николаевич.**
Раненый город / Иван Днестрянский. —
Москва : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Спецназ.
Вежливые люди).

ISBN 978-5-699-75593-6

Мало кто знает и помнит войну в Приднестровье. Некоторые даже войной ее не считают. И давно это было, и далеко, и не с нами. И все же это была война. Тяжелая, тягучая, кровопролитная и бессмысленная, как и множество других гражданских войн. Главный герой книги — по национальности русский. Он даже не уроженец здешних мест, но жил в Молдавии с детства и прикипел душой к этой земле, полюбил ее как свою родину. А потом, в начале 90-х, ему сказали: «Это не твоя земля, ты чужак, убирайся отсюда!» И тогда он взял в руки автомат...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-75593-6

© Днестрянский И., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

*Командиру Бендерского батальона
гвардейцев Приднестровья
подполковнику Юрию Костенко
и другим защитникам города
на Днестре, павшим и живым,
но равно забытым, посвящается*

Предисловие

События, описанные в этой книге, происходили в действительности, когда в маленькой южной республике из состава распавшегося СССР полыхала небольшая, но от этого не менее жестокая и нелепая гражданская война. О ней мало известно, хотя с тех пор прошло уже много лет. Эта война не интересовала украинских обывателей в приграничных селах, озабоченных поисками заработков и водки. Лишь иногда вечером, затемно, возвращаясь домой с пьянки или поздней работы, они видели всполохи на западном горизонте и слышали гул. Бросив в ту сторону взгляд, умудренные пересказами слухов селяне продолжали свой путь, проронив ироничное «Ух ты!» или едва качнув осуждающе головой. В этом безразличии, так коловшем души беженцев, не было ничего

удивительного. Ведь народная «мудрость», гласящая, что попавший в беду — сам дурак, была тогда распространена еще шире, чем сегодня. А некоторые наиболее домовитые при случае покупали привозимое оттуда оружие. Мало ли что сгодится в хозяйстве. И ржавели в схронах стволы в ожидании перекупщика или безумного часа, в который кто-нибудь из соседей нанесет их владельцу большую обиду...

Война не интересовала многих людей даже в Молдавии, где по берегам Днестра, самой большой и красивой ее реки, стрельбата и шла. Даже там, в опасной близости к огню, казалось, проще жить по привычке, делая вид, будто ничего не происходит. Тысячи призывов к разуму и совести, а равно тысячи импульсов национальной спеси утонули тогда во всеобщем желании спрятаться от реальности. Первые — чтобы кануть в Лету, а вторые — чтобы те их носители, которые не нашли в себе храбрости ввязаться в драку, выждали безопасное время и начали плести байки и писать небылицы, делая тот знаменитый вооруженный конфликт не только неизвестной, но еще оболганной войной.

Тем более ничего не знали и не знают об этой маленькой войне в России, куда ни всполохи, ни орудийный гром не долетали. Как будто и не было такой войны. Впрочем, в российских новостях того времени так и старались говорить. Казалось, новая поросль творцов истории, победоносно освободившая свою державу от союзных республик, искренне считала, что заявить об отсутствии проблемы — все равно что ее решить. Поэтому некоторые из наивных «руссо туристо» и торговцев-челноков, пересекавших в ту пору просторы в погоне за турецкими шмотками, случайно умудрялись заехать или забрести на пахнущие порохом молдавские поля-дороги и очень удивлялись потом, что напуганы или ранены, а кто-то и вовсе убит.

Немного больше эта война интересовала контрабандистов и уголовников упомянутых стран. Они-то как раз и возили на продажу оружие и много чего еще. На то они и есть уголовники и контрабандисты. Но такой народец близко к свисту пуль и грохоту взрывов подходить избегает. Значит, воевали не они. Грабили — да. И даже автомат, позируя для красивого кадра, в руках многие держали.

Особо храбрые убивали из него безоружных из-за угла. Но это не называется воевать.

И больше всех эту войну держали в уме молдавские, украинские и русские политики перестроечной и демократической волны. Ведь это и были самые большие негодяи, контрабандисты и воры. Без них тут никак не могло обойтись. Они давно чего-то такого хотели; недаром известная народная шутка о том, что горбачевская перестройка закончится перестрелкой, оправдалась быстро и полностью. Но политики тоже не воевали. Посылали других. И кто-то послался.

Так кто же там, в Приднестровье, сражался и за что? Злобные, со съехавшими набекрень мозгами мутанты, от нечего делать? Да, были и такие, кого нужно было уничтожить, сжечь, стереть в порошок, чтобы по южной, щедрой, черноземной земле никогда больше не лазило такое уродство. Но большинство все же были людьми. И часто с обеих сторон далеко не самыми плохими, еще недавно мирно жившими бок о бок в одной большой и великой стране, которой в одночасье не стало.

Вместе с тем не стоит воспринимать книгу как истину во всем. Цель написать бес-

пристрастную хронику не ставилась, да и не могла быть осуществлена. Оценки людей и событий поставлены так, как это виделось бойцам одного из отрядов с приднестровской стороны. Приднестровские же формирования были различны по происхождению, опыту, образу мыслей. Они не являлись частями одной и той же среды. Да и вообще, тому суровому и неопределенному времени был присущ такой разбег личных мнений, что бок о бок часто воевали сторонники противоположных идей. Понять, как судьба свела их в одном окопе, у одного оконного проема, с направленным в одну сторону оружием в руках, можно было, лишь уловив их общее отношение к человеческой жизни, приверженность таким ее глубинным ценностям, которые разделяющая людей и разъедающая мораль политика не смогла поколебать.

Эту общую основу тогдашние руководители называли и сегодня продолжают называть патриотизмом. Но патриотизм солдат никогда не был похож на таковой политиков. В отличие от последнего, логично-упрощенного и показного, с легкостью направляемого против любого, реального или мнимого врага, он сложен, как сама жизнь. Его трудно

выразить словами, и он легко замусоривается чуждыми ему по природе политическими лозунгами и понятиями. Поэтому о пережитом товарищи по оружию не смогли бы сказать одинаково. Один посчитал бы самым важным одно, а другой — другое. На одну из таких личных точек зрения, при всех ее субъективных недостатках, с неизбежностью приходится встать, потому что писать о гражданской войне объективно и аполитично — это просто дурость или того хуже — замаскированное ханжество.

Помимо этого, в книге сознательно не употреблено ни одного настоящего имени участников боев, если только они ранее не были разглашены в печати. Подлинные имена в ней — это имена политиков и достаточно крупных военных, названные потому, что народ должен знать своих героев, мнимых и настоящих. Действующие лица переименованы, их приметы и привычки изменены. Где-то соединены между собой, где-то разделены похожие судьбы, а некоторые действия переведены с одного места на другое. В результате все совпадения будут случайны, и ничто конкретное, могущее быть поставленным героям книги в вину, не подтвердится.

Следует принять во внимание и то обстоятельство, что ряд событий, не относящихся к тому участку местности, на котором развивается действие, во многом выписаны так, как они передавались в то время из уст в уста. Солдат не может знать все обо всем. Тут может не быть фактической достоверности, но повышается достоверность знания о том, что люди тогда по разным поводам думали и друг другу передавали, как они к этому относились, во что верили, а во что нет.

Поэтому, если кто-то из информированных читателей скажет, что во время боев в Бендерах события происходили не совсем так, как описано, или с участием совершенно других лиц, он будет прав. Но если вы подумаете, что некоторые приведенные в книге разговоры слишком заумны и политизированы, что люди не могли столько думать и говорить, вы ошибетесь. Тогда о политике говорили больше, чем в окончательно разуверившемся времени нынешнем, и, поскольку речь в основном идет об офицерах милиции, кадровых военных, бывших воинах-«афганцах» и даже студентах, у многих из них были необходимые для таких бесед образование и кругозор.

Автор также приносит извинения читателям за встречающиеся по тексту грубые слова и выражения. Были приняты все меры, чтобы убрать матерщину. Но все ругательства убрать невозможно, потому что кое о чем без мата сказать просто нельзя — и это будет даже слишком мягко сказано. Да и вообще, на войне иначе, как поминая всех чертей, родственников и отдельные части тела, не говорят.

Иван ДНЕСТРЯНСКИЙ

1

Поднимающееся все выше летнее солнце грело тихий парк на окраине южного городка. На ажурной металлической башенке при входе, накаляясь в мареве, начавшем истекать от залитого солнцем асфальта, висели большие круглые часы. Едва слышный внизу ветерок шевелил верхушки тополей, но цветы на клумбах и веточки кустарника живой изгороди были неподвижны. Над ними без помех вели свой танец пестрые бабочки. От цветка к цветку, на доли секунды зависая над лепестками, стремительно мчался бражник. На посыпанных крупным песком дорожках редкие следы прохожих не стерли еще бороздок, оставшихся от метлы. Как готовые к салюту пушки почетного караула, чем-то даже похожие на них, застыли у скамеек чугунные, крашенные серебрянкой урны. Рано утром их жерла были старательно очищены двор-

никами от огрызков и окурков, ни один ком мусора не успел заново зарядить их.

А дальше, в тенистой глубине под дубами, на серой плите сжимал рукой автомат краснозвездный солдат. Трепетали на каменном лице пробивающиеся сквозь листву лучики, и от их дрожания лицо казалось живым. Раздавленные шляпки желудей у памятника, казалось, говорили о том же — это не прохожие, а солдат иногда сходит сюда. В низкую щель под его постаментом, распластавшись на прохладной земле, изредка забирались играющие в прятки или войну мальчишки. Тогда игра света переставала быть чистой иллюзией, твердый камень вновь наполнялся смыслом солдатской жизни — он защищал. И сейчас солдат, как всегда, смотрел в сторону, откуда могли появиться дети.

Там, в глубине квартала, за парком, стоял длинный трехэтажный дом красного кирпича. Широкими окнами, бодрым шагом корпусов заявляла о себе архитектура тридцатых годов. Со времени его постройки минуло четыре десятилетия, над городком прогремела война, и дом был восстановлен из руин. Близилась годы, которые позже назовут глубоким застоєм. Но времена загаженных

подъездов, затоптанных палисадников и размалеванных непристойными надписями стен еще не пришли. В доме и вокруг него продолжалась размеренная, не затронутая сомнениями и лихом провинциальная жизнь. Был тот самый час между утром и днем, когда молодежь уже ушла на работу, пенсионеры, проводив ее, занимаются домашним хозяйством, а дети, приехавшие на каникулы из больших северных городов, вот-вот выскочат по одному из дома, чтобы пойти рыбачить на обмелевший Адагум или заняться дворовыми играми.

Из одного из подъездов дома выбежал худой и нескладный мальчишка лет десяти. Не увидев никого из друзей, он остановился, соображая, чем заняться дальше. Невидимые за деревьями, приглушенно гудя моторами и изредка сигналив, проезжали по улице Свердлова грузовые автомашины, везя зеленый горошек на консервный комбинат. Там, за парком и чуть в стороне, была площадь перед центральными воротами комбината, где машины выстраивались в очередь на разгрузку. Можно было податься туда за сладким горошком. Но сбрасывать его стручки с машин, подбирая затем с земли в снятые